

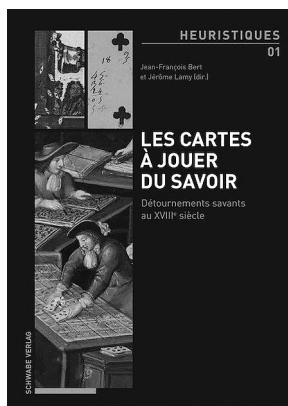
На обороте карты

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_374

Les cartes à jouer du savoir. Détournements savants au XVIIIe siècle / Sous la direction de Jean-François Bert et Jérôme Lamy.

Basel: Schwabe, 2023. — 245 p. — (Heuristiques. 01).

«Как причудливо тасуется колода!» Причем отнюдь не метафорически, поскольку речь идет об игровых картах, вернее, о различных способах их вторичного использования. В XVIII столетии производимые во Франции карты имели белоснежную рубашку. Их чистая и гладкая оборотная сторона — за ее качеством строго следили и власти, и сами фабриканты, чтобы не играть на руку шулерам, — могла служить удобной поверхностью для кратких заметок, будь то долговое обязательство или наскоро набросанная записка. Естественно, в таком случае карта утрачивала свое прямое назначение, но, как правило, это происходило еще до того, как к ней прикасалось перо. Бракованные, неполные или испачканные колоды продавались на вес и охотно приобретались для разных письменных нужд. В том числе для сбора, систематизации и распространения информации, тем самым превращаясь в важный инструмент научного и практического знания. Об этой оборотной (во всех смыслах) стороне существования игровой карты и рассказывают авторы книги.

«Карточная колода знания: научные “оборотки” XVIII столетия»: так можно перевести название коллективной монографии, подготовленной Жан-Франсуа Бером и Жеромом Лами. В нее вошли три обзорных статьи и пять работ о конкретных случаях, основанных на изучении архивных коллекций. Как подчеркивает в послесловии Энн Блэр, чей монументальный труд «Знать слишком много: организация научной информации до Нового времени»¹ служит точкой отсчета для авторов монографии, такого рода проект немислим вне сотрудничества между специалистами по материальной культуре — архивистами, музейными хранителями, коллекционерами — и историками идей, институций и т.д. Действительно, даже в коллекции

Французского музея игровых карт² оборотки (за неимением лучшего обозначения) стали каталогизироваться сравнительно недавно. По данным Гвенаэля Бёше, сейчас их там насчитывается более 4 тысяч³. Сколько их сохранилось в архивах и других музейных фондах, сказать невозможно, но, судя по перечню иллюстра-

- 1 Опубликован в 2010 г.; русский перевод: Блэр Э.М. Знать слишком много: Организация научной информации до Нового времени / Пер. с англ. Е. Тарасовой; науч. ред. М. Сергеев. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.
- 2 Musée français de la carte à jouer (<https://www.museecarteajouer.com> (дата обращения: 20.03.2025)).
- 3 Beuchet G. Les cartes à jouer à l'époque moderne, un objet paradoxal // Les cartes à jouer du savoir. Détournements savants au XVIIIe siècle / Sous la direction de Jean-François Bert et Jérôme Lamy. Basel: Schwabe, 2023. P. 29.

ций, они есть практически во всех крупных хранилищах документов по истории XVIII века. Научная обработка этого специфического корпуса материалов, по сути, только началась.

Что дает изучение оборотов? Прежде всего понимание новых потребностей, связанных с организацией информационного пространства в целом и сферы научных знаний в частности. На оборотах игральные карты не только делались записи, но и печатались объявления, входные и членские билеты, приглашения и чеки на вспомоществование бедным. Как справедливо отмечает Клер Бюстарре, такое повторное использование было обусловлено экономическими факторами — нехваткой бумаги и картона, а также значительным процентом отбраковки карт и качеством их «рубашки»⁴. Последнее, впрочем, не всегда определяло конечную судьбу карт, поскольку случалось, что ими укрепляли переплеты книг, из них изготавливали паспарту и детские игрушки. И все же наиболее востребованной оставалась их роль в качестве поверхностей для письма. Так, Жан-Жак Руссо на ходу набрасывал черновые заметки к своим «Прогулкам одинокого мечтателя» на оборотах карт, что легко объяснить их карманным форматом и плотностью бумаги. Но, любопытным образом, он продолжал это делать и дома, за письменным столом. Примерно тогда же, то есть во второй половине 1770-х гг., лекари из клермон-ферранского благотворительного общества Сен-Ком, оказывавшего медицинскую помощь беднякам, иногда использовали оборотки для запросов об отпуске им бесплатных лекарств из списка «королевских снадобий» (стандартного набора медикаментов, который интенданты провинций получали от центральной власти для этих целей). На примере двух таких карт Патрик Фурнье объясняет принципы функционирования этой системы, ее социальную, финансовую и собственно медицинскую специфику⁵.

Главный резон популярности оборотов — их удобство для систематизации больших массивов данных. В судебной практике они нередко служили этикетками: их пришивали к мешкам, в которых хранились документы по тому или иному процессу. Ученые-натуралисты пользовались картами как основой для гербария, делали из них миниатюрные коробочки для сбора образчиков горных пород, мхов, ракушек и прочего или приклеивали в качестве этикеток к более крупным экземплярам. Как показывает Манон Миго, в обширной минералогической коллекции Филиппа Пико де Лаперуза (1744—1818), сейчас хранящейся в университете его родной Тулузы, насчитывается более 730 таких этикеток. Причем это обороты карт, отпечатанных пятью местными типографами (за исключением одной парижской), что дает некоторое представление и о масштабах карточного производства и о влиянии на него политических событий. В собрании Лаперуза, помимо привычных фигурных карт с королями и валетами, есть некоторое количество мифологических персонажей, в эпоху Французской революции заменивших коронованных особ. Кроме того, каталогизацией коллекции, по-видимому, занимался не сам ученый, а его помощник Жан (Иоганн) де Шарпантье, поскольку многие этикетки заполнены его почерком. Однако в тех случаях, когда образец был найден самим Лаперузом, он подписывал его собственноручно, что позволяет судить если не о персональной иерархии ценностей, то о принятом научном протоколе⁶.

Лаперуз — далеко не единственный ученый, в чьем кабинете лежали стопки карт. К примеру, в архиве известного натуралиста Антуан-Лорана де Жюссё (1748—

4 *Bustarret C.* Écrits informel sur carte à jouer au XVIIIe siècle // Ibid. P. 70—76.

5 *Fournier P.* Autour deux cartes à jouer. Ordonnances médicales et médecine des pauvres en Auvergne au XVIIIe siècle // Ibid. P. 123—138.

6 *Migot M.* La singularité d'une collection minéralogique aux XVIIIe et XIX siècles // Ibid. P. 153—186.

1836) сохранилось несколько рукописных словарей, полностью составленных из оборотов. В частности, «Этимологический, исторический и мифологический словарь для образования естественно-научных терминов и названий» Филибера Коммерсона (одного из членов экспедиции Бугенвиля), расписанный на 2386 игральных картах⁷. Такой способ фиксации обладал существенным преимуществом по сравнению с более традиционными, поскольку позволял с легкостью вносить новые термины и корректировать уже существующие определения. Подвижность и, если угодно, открытость конструкции делали оборотки идеальным инструментом инвентаризации любых пополняющихся собраний. Для всех, кто помнит неэлектронные каталоги, очевидным тому примером будет библиотека. Однако, как показывает Патрик Латур, потребовались многолетние усилия аббата Пьера Демаре, в 1722 г. назначенного библиотекарем Коллежа Мазарини (позднее переименованного в Коллеж Четырех Наций), чтобы оценить удобства карточного каталога. Когда Демаре вступил в должность, ему предстояло навести порядок в книжном собрании, состоявшем из более чем 40 тысяч наименований, которое было завещано Коллежу кардиналом Мазарини и постепенно пополнялось библиотекарями. Проблема заключалась в том, что имевшаяся опись не охватывала всей коллекции. Для того чтобы справиться с непростой задачей, Демаре стал заносить данные о каждой книге не в тетрадь, а на оборотку, а потом складывал их в алфавитном порядке. Это позволило ему выявить дубликаты, описать содержание многочисленных конволютов и установить систему нумерации, помогавшую определить местонахождение каждого тома. Затем, на основе карточных записей, он составил алфавитный и предметный каталоги в привычном для современников книжном формате⁸.

Инициатива Демаре не имела немедленного продолжения, но и не была забыта; к концу XVIII в. в книжных собраниях все чаще встречается использование оборотов, а позднее специальных карточек, существенно облегчавших процесс инвентаризации. Тем не менее такая практика воспринималась как подготовительная, то есть как своего рода профессиональная кухня. В этом плане показателен казус женевского математика и физика Жорж-Луи Лесажа (1724–1803), который разбирает Жан-Франсуа Бер⁹. В начале 1750-х гг. Лесаж, стремясь компенсировать нехватку памяти и концентрации, решил использовать обороты игровых карт для организации своих наблюдений. На них он делал выписки из прочитанных книг, записывал мысли, набрасывал планы будущих опытов и сочинений, надеясь с их помощью не только удержать в уме уже сделанное, но и установить новые логические последовательности и взаимосвязи. К концу жизни в его кабинете скопилось около 35 тысяч карт, разложенных по разным мешочкам и ящичкам. Их систематизация и использование стали для ученого непрерывной заботой и, в значительной степени, кошмаром, о чем свидетельствуют некоторые записи:

Удручающий пример упадка моей памяти
15 ноября 1776 при пробуждении
целый рой мыслей об устройстве Изобретения. Я тут же
проснулся, чтобы их записать. Но,
заметив, что они путаются, обратился к портфелю и мешку,
содержавшим то, что я уже писал по этому поводу.

7 *Charmante I., Müller-Willem S.* La carte à jouer, support de connaissance des naturalistes // Ibid. P. 148.

8 *Latour P.* Les réussites de l'abbé Desmarais // Ibid. P. 107–122.

9 *Bert J.A.* Les cartes à jouer de Le Sage. Ou comment faire vivre la mémoire, la curiosité et l'imagination scientifique // Ibid. P. 87–106.

.....
 заставило меня позабыть другие идеи, которые
 пришли мне в голову, пока я пытался запечатлеть первые, напр.,
 о ставящих опыты. В результате
 я не смог записать ни одну из этих мыслей
 об устройстве изобретения, а [нашел]
 всего лишь жалкую карту, где
 были перечислены некоторые элементы
 устройства самым беспорядочным образом¹⁰.

Заметка начинается на обороте тройки червей, а затем продолжается уже на лицевой стороне карты; этот переход я для наглядности обозначила пробелом. На первый взгляд, это горькое признание в очередной неудаче: несмотря на разработанную систему, ученый не успевает зафиксировать появившиеся идеи. Но он описывает свое фиаско столь подробно, что оно становится частью продолжающегося научного эксперимента по самонаблюдению, заодно обретая нечаянное сходство с «Последней лентой Крэппа» Беккета.

Казус Лесажа примечателен и своим масштабом (35 тысяч оборотов с записями!), и степенью саморефлексии, которая в других случаях отсутствует или же остается нам недоступна. Его попытки систематизировать и осмыслить рабочий процесс почти идеально вписываются в программу исследований, намеченную авторами монографии. А экзистенциальное отчаяние женеевского математика не может не вызывать сочувствия у академического читателя, причем не только в силу того, что все мы сталкивались с невозможностью удержать мысль или с тщетными поисками нужной выписки, которая позднее обнаруживается не в том файле. В сущности, несмотря на увлекательность рассматриваемых кейсов, «Карточная колода знания» заставляет отчетливо ощутить пределы исследовательского метода. Очевидный тупик — и сопутствующее ему разочарование, о котором честно предупреждают авторы, — обусловлен отсутствием закономерностей между первичным и вторичным использованием карт. На протяжении всего цикла их существования значимой является только одна сторона: лицевая, когда речь идет об игре, и оборотная, когда они превращаются в писчий материал. А это ставит под вопрос сам принцип обособления карточных оборотов, поскольку они, как правило, утилизировались вперемешку с другими бумажными отходами. Так, упомянутые выше лекари из Клермон-Феррана — и не только они — чаще писали на клочках бумаги, чем на картах. Иначе говоря, книга, в сущности, посвящена картонным прямоугольникам размером 86 на 53 мм, и не более того.

Это отнюдь не умаляет значимости поставленной проблемы, поскольку для изучения организации научного информационного пространства не столь важно, идет ли речь об оборотах игровых карт или о картонных прямоугольниках. В то же время нельзя не признать, что записи на картах дразнят (исследовательское) воображение и побуждают искать новые способы работы с этим материалом. Убедительным тому примером служит сюжет, разбираемый Джеффри Рэйвелом, знатоком полицейских архивов XVIII столетия и автором исследования о поведении театральной публики при Старом порядке¹¹. Его центральные персонажи — братья Грегуар и Шарль Дюлак, чьи бумаги были конфискованы 8 декабря 1793 г. Среди них находилось 120 оборотов с цитатами из Библии, античных авторов, Монтеня,

¹⁰ Ibid. P. 98.

¹¹ *Ravel J.S. The Contested Parterre: Public Theater and French Political Culture, 1680–1791.* Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 1999.

Руссо, Мабли и проч. Учитывая, что ни Грегуар, которому они, по-видимому, принадлежали, ни Шарль не были ни учеными, ни интеллектуалами, их назначение представляет некоторую загадку. Для того, чтобы попытаться ее разгадать, Рэйвел реконструирует жизненный путь обоих братьев до 1793 г. и отчасти после него. Отпрыски старинного рода, они встали на сторону революции и, в отличие от прочих членов семейства, не эмигрировали, а продолжили делать военную карьеру во Франции. Оба служили в Северной армии сперва под началом маркиза де Лафайета, затем — Шарля-Франсуа Дюмуре и активно участвовали в политических интригах. Удивительным образом, несмотря на постоянные подозрения, вызываемые их происхождением и близостью к беглым генералам, им удавалось держаться на плаву, хотя они неоднократно попадали в опасные переpleты. Как предполагает исследователь, эта экзистенциальная зыбкость и полный разрыв с семейной традицией заставила Грегуара, который был на два года старше Шарля и тем самым оказался в положении главы семьи, искать опоры у авторитетных авторов, выписывая из них моральные сентенции. К несчастью, его реальность еще более дестабилизировалась, когда между братьями возникло любовное соперничество, и в 1794 г. Грегуар покончил с собой¹².

Конечно, для того чтобы по крупицам собрать эту историю, одних оборотов недостаточно; в ход идут официальные документы, личные бумаги братьев и т.д. Тем не менее записи на игральных картах хотя бы отчасти позволяют судить о внутренних потребностях Грегуара, не обязательно высказанных в его письмах или где-либо еще. В результате его поступки нам более понятны, чем поведение Шарля, который через месяц после самоубийства брата женился на той, из-за кого разыгралась эта трагедия.

Казусы Лесажа и братьев Дюлак убеждают, что изучение оборотов оказывается особенно продуктивным, когда они имеют личный, а не институциональный характер, то есть относятся к письменным практикам, которые требуют дополнительной контекстуализации и интерпретации. Сколь бы ни было примечательным использование карт в качестве этикеток или листов для гербария, на нынешнем этапе исследования они свидетельствуют лишь о недостатке специально отформатированного картона, что само по себе важно, но не открывает новых перспектив. Впрочем, многое зависит от перенастройки исследовательской оптики, так что карты нам в руки.

12 Ravel J.S. Sur les cartes à jouer des frères Dulac en l'an II // Ibid. P. 187—228.